

Ленинакан — Urbanculture

География

Ленинакан (ныне **Гюмри**) — второй город Армении по численности населения после столицы Армении, Еревана. Население порядка 150 тыс. чел (для сравнения, в Ереване около 1,1 млн). В городе есть остатки стен старой крепости, течёт Арпачай (**Ахурян**) — горная речка, течение которой настолько быстрое, что в некоторых местах может сбить с ног, если зайти в неё по колено.

География и история

Город расположен на **ширакском плато** на высоте 1600 м над уровнем моря, на 600—700 метров выше Еревана, расположенного в **Арагатской долине**. При этом расстояние от Еревана до Гюмри чуть больше 100 километров (горная дорога-серпантин). **Комаров** на такой высоте нет совершенно (в Ереване — есть). Зима очень мягкая, температура обычно не опускается ниже −12 градусов, лето прохладное (обычно в пределах +25 градусов), воздух сухой, нудных морозящих дождей практически нет — ливень прошёл и снова солнце. В общем, мягкий тёплый климат, чистейший прозрачный воздух. Всего в 100 километрах, в Ереване климат совершенно другой, там бывает очень жарко, и влажность существенно выше.

Город расположен у самой границы с Турцией — примерно в 9 км от погранзаставы, до первого пограничного поста — 5 км, из окон видны горы, расположенные в Турции. При советской власти по телевизору местные часто смотрели турецкие телепередачи, чему отчасти завидовали ереванцы (у них турецкое телевидение не принимало) — в советские времена посмотреть такие мультики как «Том и Джери» или фильм «Планета обезьян» можно было только «по Турции», поэтому «Турция» была весьма популярной.

«Пограничники задерживают нарушителя, который чешет в сторону Турции по контрольно-следовой полосе в домашних шлепанцах и халате. Спрашивают строго:

— Куда направляетесь?

— Да тут недалеко, за программой турецкого телевидения.»

— Местный анекдот 1970-х - 1980-х годов в тему

Гюмри — это наиболее древнее название горного поселения, которое относительно недавно вернули городу и которое оно носило еще до нашей эры. Более позднее название — Кумайри. В XIX веке Кумайри вошла в состав Российской Империи и была переименована в Александрополь. В городе сохранились стены живописной старой горной крепости, которая была построена во времена Николая I. В 1924 году Александрополь был переименован в Ленинакан, а в 1990-х годах вернул себе древнее название Гюмри.

Слово «столица» на армянский язык переводится «майря-кхахак», что буквально означает «город-мать». Ленинаканцы называют свой город «хайря-кхахак», что буквально переводится как «город-отец», но это, скорее один из местных «приколов», жители других населенных пунктов не торопятся его так называть.

Язык и исторические культурные предпосылки

Язык и представления ленинаканцев значительно отличаются от языка и представлений равнинных армян (из Арагатской долины). Степень отличия, конечно же, не достигает отличия русского языка от украинского, но тоже очень существенная, особенно для такой небольшой страны, какой на протяжении многих веков была Армения. Во всяком случае, они гораздо более существенны, нежели отличия «окающих» волжан от «акающих» москвичей. Отличия касаются не только разницы в произношении, но в грамматических правилах и в переводе многих слов. Например, обращение к незнакомому молодому человеку «эй, парень!», то по-равнинному это звучит «ара!», а по-ленинакански оно звучит «цо!». «Ййцо» по-равнинному «дзу», а по-ленинакански «авгит». Количество слов, отличающихся радикально, относительно невелико. Однако, значительно отличается грамматика. Вопрос «парень, что ты делаешь?» по-равнинному звучит «ара, инчес анум?». «ара» — обращение, «инч» == «что», добавление к нему окончания «ес» обозначает, что вопрос относится ко второму лицу единственного числа, то есть к «тебе», глагол «энель» == «делать», в отношении второго лица единственного числа преобразуется и начальная часть слова, и глагольное окончание, получается «анум». Как видите, одни только приставки и окончания настолько сильно изменяют слова, что только по

изменению окончаний понятно, к какому лицу и числу относятся слова. По-ленинакански тот же самый вопрос звучит «цо, инч к'энес?». «Цо» — обращение, вопросительное слово «инч» («что») остается без окончания, перед глаголом добавляется частица «к», а окончание у глагола не «ум» а «ес», как у равнинного окончания, добавляемого к вопросительному слову. Вот и сравните, как звучит один и тот же вопрос на, вроде бы, одном и том же армянском языке, равнинный вариант: «ара инчес анум?» и ленинаканский вариант: «цо, инч к'энес?». Однако, несмотря на заметные отличия в диалектах языка, ленинаканцы и ереванцы очень хорошо друг друга понимают (гораздо лучше, чем русские и украинцы). А вот диалект армян из очень небольшого горного селения Гукасян (ныне [Ашотцк](#)) отличается настолько, что может вызвать затруднения в понимании как ленинаканцами, так и ереванцами. Литературным языком в Армении считается наиболее близкий к ереванскому.

В глубокой древности предшественница Армении, государство [Урарту](#) было многонациональным, в нём жило много разных племен и народностей. Возможно, с этим связаны столь существенные языковые отличия ныне единой нации армян. В частности, существует гипотеза, что название «Кумайри» как-то связано с проживавшими на этом месте в глубокой древности [киммерийцами](#).

В 1970-х годах в Ленинакане была самая очень неблагоприятная криминогенная ситуация, чем ленинаканцы даже «гордились». Исторически сложившиеся языковые отличия ленинакацев и культура горцев каким-то образом интегрировалась с воровской. То же самое произошло с языком. Ленинаканский диалект содержал существенную часть включений армянской «блатной фени» советского периода. В отличие от России, где на «фене» говорит только особая часть населения, получилось так, что в Армении на «фене» говорит целый город и абсолютно все, просто одни более с «переподвывертами», а другие (вроде домохозяек) тоже на фене, но более ровно и спокойно. При этом, сами жители этого города зачастую даже не замечали, что пользуются на «феней», потому что для них это был повседневный язык общения. Для ереванцев ленинаканский диалект выглядел очень грубым, «блатным» языком.

Культура и криминал

В 1970-е годы местные партократы были тесно интегрированы с криминалом, и их криминальные связи ценились гораздо больше, чем близость к членам политбюро ЦК КПСС.

Город был поделен на криминальные районы («майли»), в каждом из которых были свои предводители дворовой и районной шпаны. Воровские «авторитеты» наиболее крупного масштаба были хорошо известны всем жителям города, а для целей выживания в условиях дворовой шпаны следовало, как минимум, хорошо знать ту часть криминальной иерархии, которая простирается до дворовых лидеров собственной «майли». Степень уважения в шпане определялась, преимущественно, численностью «группы поддержки», которую мог привести с собой тот или иной человек. Шпане из одной «майли» появляться в других «майлях» следовало лишь в особых случаях, поскольку можно было нарваться на неприятности. Однако, близость к лидерам районного уровня делала подобные путешествия достаточно безопасными — дворовая шпана предпочитала цепляться к дворовой же из других районов, но «проявляла уважение» к тем, кто принадлежал к более высоким уровням криминальной иерархии.

Огромное значение для выживания в дворовой культуре шпаны имели воровские «правила», которые в той или иной степени были знакомы всем молодым людям мужского пола, поскольку в буквальном смысле вколачивались в сознание. Каждая ошибка или плохое знание «правил» могло обернуться побоями, а регулярные ошибки приводили к регулярным побоям и значительному падению авторитета в собственном дворе. Приверженность шпаны «правилам» зачастую ценилась выше, чем, например, принадлежность шпаны к одной «майле». К примеру, плохое знание «правил» могло привести к тому, что одна из сторон конфликта, продемонстрировав их незнание в словесной перепалке, могла оказаться без «группы поддержки», которая не только развернуться и уйти, но и побить того, кого пришла защищать — за незнание «правил».

В отличие от других городов Армении, в ленинаканских дворовых конфликтах особое значение придавалось искусству ведения предварительных переговоров, в процессе которых нужно было продемонстрировать гибкость ума, хорошее знание воровских «правил», способность быстро соображать и выкручиваться из сложных ситуаций. Постоянно тренируясь друг с другом, этим «искусством» овладевала в той или иной степени вся шпана Ленинакана, поэтому в словесных перепалках со шпаной других городов Армении ленинаканцы, как правило, всегда одерживали верх. Местная поговорка в буквальном переводе утверждает «ленинаканцы берянэ меце» (буквальный перевод: «у ленинаканцев большой рот»), что по смыслу эквивалентно «у них длинный язык».

В каждом дворе и в каждом районе имелся «переговорщик», который владел этим искусством лучше других. Им не обязательно было быть физически крепкими, чтобы пользоваться большим авторитетом. «Переговорщик» обычно выступал вперед на «стрелке» и вступал в словесную перепалку с переговорщиком противника, а «группы поддержки» с обеих сторон молча слушали и ждали, чем она закончится. Если в словесную перепалку вступали переговорщики экстра-класса, то такая перебранка вызывала настоящий восторг шпаны с обеих сторон — это было чем-то сродни искусному фехтованию.

Обычно искусство такой перебранки сводилось к умению уходить от прямых ответов на вопросы, ловко задавая ответные вопросы. Прямой ответ в стиле «да» или «нет», как правило, приводил к утере позиции в перебранке, либо обозначал её концовку. Переговорщик подавал сигнал к атаке своей «группы поддержки» легкой пощечиной после того, как «доказывал», что противник «не прав» (то есть, каким-

либо образом нарушил «правила»).

«- Ты вор? (В смысле «соблюдаешь правила»? И ответ "да", и ответ "нет" - грубейшая ошибка, на следующем же шаге будет доказано, что ты «не прав»)

- Почему это тебя так интересует? На следователя, что ли, работаешь?
- ... и т.д.

»

— Типичный эпизод перебранки

Из современной молодежи об этих «правилах» уже мало кто слышал. Криминала там, конечно, было достаточно. Однако, обычная дворовая шпана гордо именовала себя «ворами», но реально не воровала. Просто «соблюдала правила». Это было вроде как было «круто».

Гаишники всегда брали взятки, маляры и строители подрабатывали на строительстве частных домов, кто-то продавал казенные стройматериалы, кто-то торговал государственными должностями... Законности там фактически не было. Никакой. Только «правила».

Расцвет блатной романтики пришелся на конец 70-х годов. Потом постепенно у людей стали меняться приоритеты. Цепляться друг к другу стали реже. Показываться в отдаленных районах стало уже не опасно. Из современного молодого поколения многие уже даже и не в курсе, что в их городе в ходу когда-то были «правила». И на вопрос «гохаган к'ертас?» («ты вор?») лишь недоуменно смотрят в ответ. Старшее поколение же предпочитает не вспоминать о своей буйной молодости.

Отношения мужчин и женщин

В конце 60-х начале 70-х годов некоторые виды деятельности считались позорными для мужчины. Например, мужчина не имел права брать в руки веник или мыть посуду. Это был исключительно женский род деятельности, и считается позором заставить кого-либо из мужчин за подобным занятием.

Для женщин также было позорным брать в руки некоторые предметы. Например, плоскогубцы, топор или молоток. Жена, взявшая такие предметы при посторонних, могла схлопотать от мужа: «Ты что, специально меня позоришь?».

Молодым женщинам, особенно молодым, нельзя было встречаться взглядом со взглядом мужчины. Даже очень короткий случайный прямой взгляд воспринимался как сексуальный призыв. Поэтому девушки обычно ходили, опустив глаза вниз, и старались смотреть прямо лишь украдкой — чтобы случайно не встретиться взглядом с кем-нибудь. Для мужчин подобных ограничений не было.

Молодая девушка и парень не могли просто так сходить в кино. Это воспринималось окружающими с определенным толкованием. Подобная «выходка» могла вызвать очень бурную реакцию родственников девушки, которые сочли бы такое поведение со стороны парня оскорбительным, а со стороны девушки позорным — попало бы обоим. Прежде чем пойти с девушкой в кино, нужно сначала получить согласие ее родителей. И не просто согласие, прислать своих родителей к ее родителям, чтобы они договорились, что их дети будут считаться повенчанными. В таком случае парень получал статус «парня девушки», и мог ее водить в кино и провожать ее домой или из дома. Но девушка, которая однажды сходила в кино с одним парнем, а потом с другим считалась, ни много, ни мало, опозоренной. В таком случае окружающие полагали, что она «нарушила правила», и ее могли прилюдно высмеивать и оскорблять — никто не имел права за нее заступиться (он оказался бы «не прав»). На этом примере заметно, как в то время тесно переплетались древние горские традиции и свежее испеченные воровские.

У женщин, переставших быть девушками до их замужества, практически не было шансов выйти замуж. Для мужчины жениться на девушке, которая уже с кем-то была, в обществе считалось позорным. Отчасти поэтому там практически не было разводов. Эта же особенность культуры стала причиной того, что невест иногда крали. Это случалось, когда родственники девушки не давали согласия на брак тому, кто в нее был страстно влюблен. Отчаянному парню оставалось только выкрасть девушку и сделать ее женщиной до того, как его успеют поймать разъяренные родственники невесты. Если он не успевал это сделать, то рисковал быть зарезанным за попытку нанести смертельное оскорбление, если успевал, чаще всего, оставался в живых и получал согласие на брак от ее родителей, потому что альтернатив у девушки после этого не оставалось.

В начале 1950-х годов основная масса местных женщин не была трудоустроена. Нет, проблем с рабочими местами не было, даже наоборот, был дефицит рабочих рук, особенно в традиционных женских специальностях. Но по местным представлениям женщина обязана сидеть дома, заниматься домашним хозяйством и воспитывать детей. А мужчина обязан обеспечить семью материально (носить в пещеру мамонтов). Поэтому намек на то, что дети оставлены без присмотра, или что дома не убрано — это считалось оскорблением в адрес хозяйки дома. А намек на то, что семья живет не очень богато, считалось оскорблением в адрес хозяина дома. Но в начале 60-х годов многие женщины постепенно стали

устраиваться на работу, а к концу 1960-х уже почти все женщины были трудоустроены. Так стремительно изменялись местные представления.

Всего за полвека представления изменились радикально, стали более «европейскими». Молодые люди теперь вполне самостоятельно могут принимать решения, без особых опасений быть подкарауленными родней девушки. Девушки вполне могут отдавать предпочтение сначала одному молодому человеку, а потом другому — сейчас это уже не воспринимается так радикально, как прежде. Люди стали проще смотреть на развод и второй брак. Последние кражи невест, о которых доводилось слышать, относятся к концу 70-х годов. Сейчас это уже воспринимается не как традиция, а как архаичная история. Удивительнее всего то, что настолько масштабные изменения представлений произошли не за века, а всего за одно поколение.

Магазины и рынок изнутри

В 70-х годах в мясных отделах были всегда пустые полки с парой-тройкой почерневших от времени костей и жил, дурно пахнущих. Колбаса — несъедобная, зелено-серого цвета, неизвестно из чего такую делали. Макаaronные изделия тоже какого-то землистого цвета. Если попытаться их отварить, разваливаются на ингредиенты и превращаются в сплошное серое месиво. Для борьбы с этой проблемой местные придумали подпекать макаронные изделия прежде чем варить, а в итоге привело к изобретению кукуруки.

Рецепт кукуруки

Кукурука — так мы называем это блюдо. Вкус — язык проглотить можно. На запах сбегутся все соседи... :)

Для приготовления понадобится:

1. Плита — 1 шт
2. Вода — 1 л
3. Чайник
4. Большая сковорода с крышкой
5. Соль — 2 чайные ложки (без верха)
6. Мелкие макаронные изделия (вермишель, рожки и т. п.) — 0.5 кг
7. Томатная паста — 2 столовых ложки
8. Тушенка говяжья — 1 банка
9. Сливочное масло 1/3 пачки

Алгоритм:

1. Высыпаете макаронные изделия в сухую сковороду и ставите эту сковороду на максимальный огонь. Пока сковорода разогревается...
2. Наливаете воду в чайник и включаете его (или ставите на огонь), чтобы вода закипела ориентировочно через 5-7 минут
3. Вскрываете банку тушенки и ножом размельчаете в ней мясо. Если не вскрыта банка с томатной пастой, вскрываете ее и ставите под рукой. Так же под руку ставите пачку сливочного масла и соль.
4. Когда сковорода начинает раскаляться, большой столовой ложкой мешаете в ней макаронные изделия — непрерывно. Мешать нужно, подгребая вермишель со дна и переворачивая ее (примерно так как на сковороде жарят семечки). На сухой сковороде! Процесс продолжается до тех пор, пока вермишель не подрумянится до светло-коричневого цвета и воздух не наполнится запахом печеного теста. Чайник должен закипеть немного раньше, чем закончится этот процесс.
5. Когда макаронные изделия уже хорошо поджарились, убавляете огонь под сковородой в 2-3 раза. И тут же наливаете в сковороду кипяток. Наливать нужно аккуратно и по чуть-чуть. Особенно в начале процесса, когда может подняться пена и залить плиту. Вода должна покрыть макаронные изделия полностью, и сверху над ними должен получиться слой воды. На 0.5 кг макаронных изделий у меня уходит примерно 0.7 л кипятка — получается воды почти до краев сковороды (лучше не до краев, иначе потом мешать будет трудно). Сразу после того, как закончили лить воду, размешиваете в воде макаронные изделия (пока вы лили кипятки, они немного слиплись).
6. В сковороду добавляете: соль, 2 столовых ложки томатной пасты, сливочное масло 1/3 пачки (можно просто куском), тушенку. Всё это тщательно перемешиваете с макаронными изделиями. Пусть вас не пугает, что воды кажется многовато. Она вся уйдет.
7. Накрыв сковороду крышкой, на слабом огне всё это «тушите» 20-30 минут, периодически перемешивая чтобы не пригорело. Мешать нужно чаще в конце, когда воды становится всё меньше. Когда вода уже совсем не видна, выключаете огонь и оставляете потомиться на 5 минут.
8. Раскладываете по тарелкам и едите. Приятного аппетита...

Однако, в продовольственных магазинах продавалась и «экзотика» — хлеб «лаваш», «матнакаш», в кисломолочных продуктах невозможно было найти ни ряженку, ни кефир, но «мацуна» («мацони») было достаточно.

Местная промышленность изготавливала забавные детские игрушки, подобных которым редко встречались в других частях СССР. Неплохо дела обстояли с обувью, которая была, в общем, относительно неплохого качества, но что особенно любопытно, весьма оригинальной, как и игрушки. Из особо запоминающегося — поезд из пустотелых деревянных вагончиков изощренной формы с вырезанными

окошечками; забавная собачка-каталка с виляющим пружинкой-хвостом, перебирающая лапами; детские сандайки со встроенными в подошвы пищалками.

Тем не менее, в холодильниках у всех что-то было то, чего нет в магазинах. Или покупали на рынке, или на «чёрном рынке». На рынке продавалось много местных фруктов и овощей: [туту](#), [инжир](#), [кизил](#), [чурчхеллу](#), [суджук](#), [бастурму](#). В городе был мясокомбинат, продукция которого расходилась именно по рукам по спекулятивным каналам, а до магазинов не доходила. Жили все по принципу «ты мне — я тебе». Нужно было быть чем-то ценным, чтобы к тебе могли обратиться «по благу».

Предприятия

Самое крупное предприятие города — это текстильный комбинат. Местного населения не хватало, чтобы на нем работать, 90% работающих были приезжими. Девчонки из России, Украины, Молдавии, которые жили примерно в 15-20 корпусах общежитий, разбросанных по всему городу. Было несколько заводов, не крупных, конечно. Ленинанканский завод аналитических приборов производил [вискозиметры](#), [вольтметры](#), [амперметры](#) и кучу прочего оборудования, в том числе, для советских подлодок.

Ещё был завод «Микроэлектродвигатель», который производил двигатели, используемые в подставках для [новогодних](#) ёлок. Работал СОКТИ (Специальный Опытно-Конструкторский Технологический Институт), который по сути был небольшим научно-производственным предприятием, производившим сейсмоустановки, оборудование для геологов. Он выделился из еще более крупного Института Геофизики, находящегося по соседству, который тоже производил нечто подобное. В соседнем районе находился завод, на котором производился широкий спектр металло-бумажных конденсаторов для электронных схем. Ну и кроме того, горстрой постоянно что-то строил. База горстроя располагала подъездными ж/д путями и территорией площадью в несколько квадратных километров.

Немалое значение для города играл мясокомбинат — на нем работал население целого района. Район («майля») несколько на отшибе остального города так и назывался «мясокомбинат», и в нем постоянно воняло горелыми костями и волосами. Был ткацкий комбинат, два крупных ВУЗа — политехнический и педагогический, музучилище, около 35 общеобразовательных школ (из них 4 — с русским языком преподавания), железнодорожный техникум, медучилище, 4 музыкальные школы, 4 больницы.

Но главное, именно градообразующее — это текстильный комбинат. Его масштабы поражали воображение, он был существенно крупнее всех остальных предприятий Ленинанкана. Для города с населением в 150 тыс.чел. и с такими архаичными представлениями это весьма существенная инфраструктура. В Ленинанкан специально вкладывали эту инфраструктуру, чтобы оторвать людей от архаичных представлений. И, следует признать, в очень заметной степени это удалось сделать.

Люди

Люди ходили по улицам медленно, вразвалочку, после того как привыкнешь к бегу трусцой по московским улицам и [метро](#), это кажется несколько странным. Уличная шпана на улицах часто сидела на корточках (зачастую рядом со скамеечками) — так там принято. Сидеть на корточках и щёлкать семечки, ведя неспешную беседу, они могли часами.

Традиционное и наиболее частое «блюдо» — «хац у панырь» (буквально «хлеб с сыром»), или, что то же самое, «бртуч» (буквально «свёрток») — завернутый в лаваш сыр с зеленью. Его ели на завтрак, им наспех обедали на работе, им ужинали...

Когда у кого-то в семье случалось большое событие — свадьба, или кто-то умирал, или, наоборот, выздоравливал, хозяин семьи шел на рынок, покупал там живого барана, приводил во двор дома (зачастую, многоэтажного), там его вешали за ноги на дерево, резали, свеживали и делали из свежей баранины «матах» — бараний бульон с кусочками мяса. Его разливали по большим тарелкам и разносили всем соседям, иногда даже по ближайшим домам. Это ритуальное блюдо, нечто вроде жертвоприношения, от него нельзя отказываться — это может сильно обидеть. Принимающий его разделяет горе и радость с тем, кто его принес.

Когда в городе случались похороны или свадьба, поток людей перекрывал улицы. Если кого-то хоронили, несли гроб через весь город, чтобы горожане знали, что человек ушел. За гробом шли дальние и близкие соседи, знакомые, не говоря уже о родственниках — море людей.

Жителей центральной России могли бы шокировать веревки с висящим на них сушащимся бельем, перетянутые поперек крупных улиц поверх троллейбусных проводов. Веревки натянуты на вращающиеся блоки, прикрепленные к зданиям на противоположных концах улицы на высоте 2-5 этажей. На некоторых второстепенных улицах такие веревки идут почти от каждого окна, на многих их них висит белье прямо поперек проезжей части.

Чтобы изменить площадь квартиры, не нужно было никаких согласований ни в каких инстанциях, даже во времена СССР. В некоторых многоэтажных домах не только вынесены ванна и туалет на предварительно застекленную и утепленную лоджию, но и увеличена площадь лоджии за счет уличного пространства.

Есть даже дом, в котором проживающий на первом этаже расширил балкон за счет тротуара. А живущий над ним, не долго думая, вынес свой балкон еще дальше, установив угловые «упоры» из двутавровых балок. Получилась конструкция с консольно «надвисяющим» вторым этажом над первым. Двухкомнатные квартиры силами самих жильцов переделывались в трехкомнатные с ощутимым увеличением площади.

Архитектура

Совсем нет кирпичных домов, возможно потому, что нет подходящей глины. А отчасти потому, что под рукой всегда был более удобный строительный материал — туф. Это природный пористый вулканический камень, легко поддающийся обработке (его можно тесать топором, или пилить ножовкой по металлу), с низкой теплопроводностью. Из туфа всегда строили — и частные одноэтажные маленькие домики, и высокие 12-этажные. Из туфа строить быстрее, потому что камни из него — крупные, наподобие пеноблоков. Тот факт, что камень легко поддается обработке, сделал его удобным для творчества и фантазии — в городе много строений в резьбой по камню, особенно, старых. Но и новые строили с загогулинками и завихрушками. Особенно запоминаются водосточные трубы, на концах которых выкованы резные птички — такова традиция, они там повсюду.

Рядом с рынком находились мастерские, в которых жестянщики и кузнецы своими руками делали такие трубы из оцинкованной стали, кованные решетки, люльки-качалки, и многое другое. Можно было часами наблюдать, как из-под их ловких рук выходят удивительно красивые вещи.

В 1985 году город отстроился, стал очень красивым, ухоженным. Существенно изменились в более цивилизованную сторону и представления местного населения (хотя, некоторые нюансы, конечно же, остались). Масса красивых старых туфовых построек — много древних церквей (напомню, что армяне — христиане), все действующие, очень специфической архитектуры. В церковной службе армянской христианской церкви есть отличия от церковных традиций России.

Это был удивительно красивый город, в котором сочеталась древняя армянская архитектура и очень советский модерн. Одна из древнейших церквей Ленинакана стояла на площади поющих фонтанов рядом с крупнейшим кинотеатром, универмагом и горсоветом — и выглядело это очень красиво и гармонично.

После [землетрясения 1988 года](#) город был сильно разрушен. Устояли преимущественно туфовые постройки. А вот от панельных железобетонных домов практически ничего не осталось — целые районы многоэтажных панельных домов полностью сравнялись с землей. До землетрясения был период максимального расцвета города. Того города больше нет.

Сейчас город отчасти восстановили, но всё равно он очень сильно изменился, и восстановить его смогли лишь отчасти. После землетрясения на сильно сказались ещё и социальные потрясения, связанные с распадом СССР, сменой власти (точнее, безвластием) и периодом полной анархии. Во многих районах города длительное время люди жили без самого элементарного — без света, без воды. За водой ходили с ведрами на колонку в другой район, или к знакомым. Зимой жили без отопления. Население вынуждено было обзавестись печками-буржуйками, в которых сжигали не только уголь и дрова (которых не хватало) но деревья, спиливаемые в городе и в пригородах. А раньше этот город утопал в зелени. Сейчас, правда, растительность по большей части восстановлена.

Человек-легенда

Перевод монолога:

Нет, правда, ничего, работаю. 94 года мне. Знаю, конечно, что смерть в конце концов придет. Но какой горец будет бояться смерти? Да и некогда её бояться. Разве эти красавцы дадут о смерти задуматься^[1]? Каждый раз выезжаю я в город на фазтоне. Сядет человек в фазтон — повезу. И какой-то ниточкой свяжется моя судьба и его... Сколькой людей сядило в мой фазтон... Отец Марач садился, [Армен Тигранян](#) садился, [Аветик Исаакян](#) садился, [Ованес Шираз](#) садился... Ээх... Каждый раз смотрю на Гюмри и поражаюсь, насколько это красивый город! Говорят, в нашем городе хранится память трёх тысяч лет! Это не я говорю, это знающие люди говорят, которые всякие умные вещи написали, ещё в глубокой древности... К примеру, о [Ксенофонте](#) слышали? Он когда по территории Армении походом проходил, по Ширакскому плато, заметил, что местные горцы хранят в пещерах вот в таких больших кувшинах^[2] холодную вкусную воду. Добывают её с большой глубины, запечатывают и хранят. Это была та самая знаменитая вода, которой Гюмри ценится... Султан этот, [Абдул Гамид](#) первый затеял этот дурацкий [геноцид](#) в XVIII веке... Они тут всё разрушали... А мы

Это видеоролик с видами, который выбрал человек-легенда Ленинакана, возница действующей повозки-такси на манер лондонских кэбов, всегда была одной из главных достопримечательностей Ленинакана. Он стоял со своим фазтоном обычно между школой №2 и рынком. Заплатив 50 копеек, можно было на нем прокатиться, и это считалось экзотикой. Он говорит о том, как своими руками отделывают туф, чтобы построить дом по древним местным традициям, показывает сделанную вручную местными мастерами посуду и предметы утвари (рядом с рынком работали около полутора десятков ремесленных мастерских, в которых прямо на глазах покупателей их делали умельцы-мастера своими руками). Там есть виды винных погребов, древней архитектуры...

восстанавливали, песни сочиняли, стихи сочиняли... Какие люди тут жили, да и сейчас живут... Какие дома строили... Вот эти маленькие домики ^[3] называли именем **Полоза Мукуча**. Таких забавных людей как он, я больше не видел, честное слово... Говорят, однажды пошёл он как-то следом за красивой девушкой, шёл, шёл и спрашивает:

- Сестричка, куда ты идешь?

- Какое тебе дело, куда я иду?

- Чтобы определить, куда **я** в итоге приду. :)

Вах-вах-вах, какой город у нас, какие жители были, какие красавицы, какие джигиты, какие селяне... Да, по сути и сейчас селом Гюмри осталось. Их уж и нет, а Гюмри — осталось. **Хачик Даштенц** писал прямо в фаэтоне... Тогда, во время геноцида, его дом динамитом взорвали. Османцы заволокли весь город, творили ужас... Не знал, выживем или нет... Сейчас 50 детей, внуков и правнуков имею, больше всего Саркиса люблю ^[4]... Столько он песен знает! Из оперы Армена Тиграняна арии поет! Вот ведь как... Первую армянскую оперу здесь, в Ленинакане, поставили^[5]...

Эх, **Арпачай**... Какая вода в нём течёт! Ноги в эту воду опустишь ^[6] — и все болезни из тебя вода высасывает. Какая там рыба! Хотят эту рыбу поймать ^[7]... Тащи, тащи, тащи! А рыбы-то и нет... Есть над чем задуматься ^[8]. Да, **Дживан** приезжал недавно ^[9], поехали с ним по городу, посмотрел он как город изменился... Вот такой наш город. Две тысячи лет мы тут жили, а османцы пришли и сказали, что мы тут больше жить не будем. Все церкви разрушили, а мы семь церквей снова отстроили, сразу, как только смогли. Хорошо бы, чтоб ещё построили. Что же это за город был бы, если бы не нашел времени и сил на постройку церквей. Знаете, почему колокольный звон церквей «плбла» называют? Потому что когда солнечный зайчик от их куполов отражается, его тоже «плбла» называют ^[10]. Богу — в семи церквях молимся. Я вот в этой молюсь ^[11]. О ней легенда есть. Татос, который её строил, не имел ни чертежей, ни схем, но чтобы её построить, каждый день ездил в столицу, смотрел, чтобы скопировать одну из церквей **Ани** ^[12]. Ах, Ани, Ани... Чтобы дома разрушителей были так разрушены... Во всём мире не было такого светлого города! Турки всё разрушили. Там от одного здания только три камня осталось разбросанные далеко-далеко, местные армяне их вместе собрали, как память. А если бы Ани нашим сейчас был, разве же он остался бы в таких руинах ^[13]... Почему мы не смогли его отстоять? Весь армянский народ бы на ноги поднялся, чтобы его восстановить ^[14]. Каждый день мастер Папиникос стучал по наковальне. Он ВОТ ТАКОЙ мастер! Знаете, сколько он фаэтонов за свою жизнь сделал? И мой фаэтон тоже он сделал. И где теперь он — нет его, и мастерство его забывается. Молодежь не хочет учиться его искусству...

О, внучка заснула... Умереть мне под утро ^[15]. А ей сесть на место возницы и кричать «эй!» пока кричится и весело поётся. Умереть мне под утро.

Юмор

В Армении ленинаканский юмор считается одним из наиболее изощрённых, наподобие одесского в прежнем СССР. Ходила масса специфических ленинаканских анекдотов. Вот один из них:

Ваник заходит к соседу и видит его сидящим на полу с круглыми от ужаса глазами:

— Володя! Что случилось?

— Не знаю, но что-то страшное...

— Что именно? Заболел, что ли? Может, врача вызвать?

— Нет! Вчера стал снимать халат — все пуговицы отвалились.

— Ну отвалились, и ладно, бог с ними. Случилось-то что? Чего ты так боишься?

— Стал дверь открывать — дверная ручка отвалилась.

— Ну отвалилась, и ладно, боишься-то чего?

— Чайник взял — у него тоже ручка отвалилась!

— Ну и черт с ним, с чайником, боишься-то чего?

— Чего боюсь? В туалет идти боюсь!

Видео

См. также

- Склад копипасты: Ленинакан** ([приложение к статье](#))

Примечания

- ↑ (это он о лошадях)
- ↑ (2:42)

3. ↑ (3:30)
4. ↑ (4:45)
5. ↑ (5:12 поет выдержку из оперы, затем звучит оригинал)
6. ↑ (вода — ледяная)
7. ↑ (15:47)
8. ↑ рыбы раньше было много, потом всё меньше и меньше, сейчас мелкая есть, но поймать ее очень трудно, ловят такой круговой сеткой с грузиками по краям, которую раскручивают чтобы грузики вращались и раскрывали сетку и забрасывают как лассо, вытягивают за веревку, прикрепленную к центру круга, при этом грузики сходятся вместе, волочатся по дну и затягивая рыбу в центр сети — на видео не очень хорошо это видно
9. ↑ он уроженец Ленинакана, ему в Гюмри несколько лет назад памятник поставили
10. ↑ игра слов
11. ↑ 6:41
12. ↑ прежней столицы Армении, которую называли «городом 1001 церкви»
13. ↑ он остался на территории Турции
14. ↑ 8:00 — сцена снята в одной из ремесленных мастерских недалеко от базара, кузница
15. ↑ Поговорка, пожелание легкой смерти